

УДК 930.2 + 929

**От памяти к воспоминаниям:
послесловие к блоку статей об исследовании памяти
в частных исторических источниках***

С. А. Ушакин

Принстонский университет, США, г. Принстон

Представлен анализ статей, посвященных переходному моменту в исследованиях памяти, а именно смещению исследовательской позиции в сторону от риторики коллективного опыта и коллективных форм репрезентации исторического опыта. Подробно комментируется проблема отсутствия основ для теоретических обобщений и интерпретационных моделей, которые призваны демонстрировать соотношение частного характера воспоминаний с социальным контекстом, благодаря которому они стали возможными.

Ключевые слова: память, исторический опыт, репрезентация, социальный контекст.

«Строго говоря, такого явления, как коллективная память, не существует», – написала когда-то Сьюзен Зонтаг, добавив при этом, что есть, однако, «коллективное предписание». Для Зонтаг память – индивидуальна и невозпроизводима, что, впрочем, не отменяет возможности воздействия *на* память, возможности *работы с* памятью, возможности подмены памяти. «...То, что мы зовем коллективной памятью, – на самом деле не память, не воспоминание, а условность, конвенция, соглашение», – настаивала критик. Соглашение о том, что считать важным событием. Соглашение о том, как рассказывать об этом событии. Соглашение о том, с какими зрительными образами это событие связывать [2; 3].

Скептицизм Зонтаг во многом был реакцией на мемориальный бум, охвативший гуманитарные и обществоведческие дисциплины на Западе в 1980–1990-х гг. Историки, воодушевленные работами Мориса Хальбвакса и Пьера Нора, увидели в «памяти» своеобразную альтернативу гомогенизирующей истории победителей. Ссылки на «коллективную память», точнее на коллективное беспмятство, дали возможность подвергнуть критике канонические исторические нарративы и схемы, с их зияющими лакунами, исчез-

---

* Статья подготовлена при частичной финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., соглашение № 14.В37.21.0258 и в рамках Программы стратегического развития ИГУ, тема Р222-МИ-002.

нущими «комиссарами» и тому подобными формами прагматической фильтрации прошлого. «Коллективная память», иными словами, была воспринята как *непрофессиональный* способ кодификации истории. Отраженная не столько в официальных монументах и исторических трудах, сколько в повседневных микропрактиках, коллективная память стала тактическим оружием масс в процессе присвоения истории.

Для Зонтаг освободительный потенциал, который многие увидели в этом переходе от профессиональных исследований прошлого к непрофессиональным рефлексиям по поводу этого прошлого, во многом был обманчивым. В своей небольшой книге она с настойчивостью подчеркивала, что «непрофессиональная» память масс не менее идеологична, чем профессиональная работа историков: «Идеологии создают целые архивы образов, репрезентативных образов, помещая в них, как в капсулы, наши представления о важном, значимом, и порождая таким образом циркуляцию в обществе весьма предсказуемых идей и впечатлений» [2; 3]. Выход из этой ситуации виделся не в том, чтобы искать (и находить) подлинный, незамутненный идеологическими воздействиями взгляд на прошлое. Важным становилось особое внимание к *процессу*, в ходе которого формируются те символические и нарративные структуры, которые со временем приобретают статус памяти. Этот сдвиг – от корпуса материалов к процессу их создания – потребовал в итоге и смены объекта исследования. Вместо собственно *памяти* на первый план стали выходить *воспоминания*, т. е. ситуативно обусловленные, крайне индивидуализированные, *частные* риторические конструкции по поводу минувшего [4]. Уход от *коллективности*, иными словами, стал и уходом от стремления к общей истории и общему взгляду. Прошлое оказалось конгломератом зачастую не связанных между собой частей.

Статьи, собранные в данном выпуске Известий Иркутского государственного университета, представляют собой во многом переходный момент в исследованиях памяти – исследователи начали постепенное движение в сторону от риторики коллективного опыта и коллективных форм репрезентации исторического опыта. Как показывают тексты, этот уход от «большой истории», увиденной из столичного центра, закономерно приводит к смене методологического подхода: основным источником исторического материала становятся разнообразные «наивные» и «самодеятельные» нарративы – будь то устные воспоминания, непрофессиональная поэзия или, допустим, лагерный фольклор. Традиционное просторечие этих текстов оказывается не их дисквалифицирующим признаком, но их жанровой спецификой.

Проблема, на наш взгляд, однако, заключается в том, что смена метода отбора документов, которую мы видим, сочетается практически во всех статьях с приверженностью к пониманию истории, которое во многом было сформировано идеологией «больших нарративов» и «великих исторических деятелей». Радикальная смена документальной базы, иначе говоря, пока не привела к формированию методологической и интерпретационной техники,

которая бы соответствовала специфике «наивных» воспоминаний. В результате источники, в лучшем случае, «переводятся» в иной риторический регистр и приобретают академическую солидность в процессе детального (позитивистского) пересказа. Чаще всего, впрочем, *источники* превращаются в *иллюстрации*, призванные придать этнографическую живость уже готовым объяснительным схемам: нарративные особенности, концептуальные якоря, аналитические и риторические приемы, заложенные в наивных документах, как правило, остаются не востребованными. В итоге не возникает главного – не появляется основа для теоретических обобщений и интерпретационных моделей, которые бы, собственно, и могли показать, как соотносится частный характер того или иного воспоминания с социальным контекстом, благодаря которому оно стало возможным. Понятно, что эта проблема (отсутствия оригинальных) интерпретаций и теорий – это дело времени и опыта. Накопление материала с неизбежностью приведет к необходимости его структурирования и детального осмысления, и данная подборка статей – это существенный шаг по пути в этом направлении.

Статьи подборки показательны и еще в одном отношении. Несмотря на полную исследовательскую автономность, фактически авторы представляют два основных направления в исследованиях воспоминаний. Первое из них связано с пространственными характеристиками памяти: нарративы о прошлом опыте географически локализованы. Точнее – пространство выполняет роль мнемонического генератора, провоцирующего цепь ассоциативных связей. Авторы раздела *Пространства памяти* представляют любопытную диахроническую преемственность в производстве нарративов. От Первой мировой войны до новостроек Братска – *привязка к местности* определяет сюжетный выбор и метафорический ряд.

Например, Ольга Данилова в своих детальных комментариях к путевым запискам Альбера Грасье, написанным во время пребывания в Сибири в составе второго эшелона чехословацкой армии в 1917 и 1918–1919 гг., прослеживает, как пространство Сибири превращается в травелогах Грасье в картографию зла и насилия. Андрей Сидоров сходным образом описывает воспоминания хорватского коммуниста Антэ Цилиги о его пребывании в сибирской ссылке в середине 1930-х гг. Воспоминания Цилиги *«Десять лет в стране великой лжи»*, вышедшие в свет после его отъезда в Европу, строятся как история контрастов – прежде всего, между центром и провинцией, между Европой и Россией. Эта же логика используется и для анализа социальной политики, ставшей ярким примером противоречия между декларируемым и реализуемым на практике. Или, словами Цилиги: «Ложь и надувательство – вещи общепринятые и столь же соответствующие интересам государства, как и труд».

И для Даниловой, и для Сидорова воспоминания служат своеобразными депозитариями фактов и/или взглядов, и свою исследовательскую задачу авторы видят в том, чтобы обеспечить читателю доступ к обнаруженному «де-

позитарии». Строя изложение по принципу тематических кластеров, оба автора оставляют за пределами своих текстов попытки проанализировать воспоминания как форму нарративной практики или способ эмоционального структурирования травматического опыта. На первом плане оказывается содержательная, сущностная, позитивистская трактовка документа.

Е. Антропов предлагает в своей статье пример еще одной связки памяти и пространства. В данном случае – как и в предыдущих – триангуляция происходит за счет опыта вынужденного перемещения. Но, в отличие от предыдущих примеров, эвакуация ленинградцев в Новосибирск во многом являлась добровольной, хоть и была вынужденной. Для Антропова устные воспоминания важны, прежде всего, как источник *тем*. Используя цитаты в основном для иллюстрации общих положений социальной истории середины прошлого века, Антропов в итоге создает любопытный коллаж, своеобразное историческое многоголосье, спровоцированное опытом освоения нового пространства.

В центре внимания статьи Ларисы Салаховой – тоже процесс адаптации к новому ландшафту. Точнее – процесс адаптации ландшафта к тем установкам, мечтам и планам, которые привезли с собой строители Братской ГЭС. В отличие от остальных авторов раздела *Пространства памяти* Салахова не воспринимает устные воспоминания своих информантов в качестве самоочевидной истины. Интервью и тексты становятся для исследовательницы исходной точкой в попытке понять структуры и механизмы, которые сделали эти символические конфигурации возможными. Как показывает Салахова, нарративный опыт формируется *одновременно* с опытом строительным. *История* строительства является неотъемлемой частью опыта *самого строительства*, и мечта о новом городе артикулируется в палатке для того, чтобы материализоваться позднее на стройплощадке.

Эта диалектика нарративного и экспериментального, словесного и деятельностного уходит на второй план в разделе *Тексты идеологий*. Пространственная компонента воспоминаний не утрачивает здесь своего присутствия, но она не становится решающей для исследователей. Места памяти здесь вытесняются риторикой. Точнее – символическими структурами, с помощью которых организуется, кодифицируется, репрезентируется или маскируется опыт прошлого. Смена объекта, признание того факта, что и память, и воспоминания неизбежно имеют дискурсивную природу, приводит к закономерному стремлению понять принципы организации и формы существования этой разновидности дискурсивности.

В исследовании Натальи Петровой фольклор заключенных Сиблага представлен с точки зрения его организационных форм. Опираясь на семиотические методы анализа, Петрова подробно раскрывает внутреннее строение конкретных фольклорных жанров, оставляя при этом в тени не менее важные вопросы о соотношении жанровых форм и авторских интенций. Исследование Петровой является хорошим примером ограниченности семиотического подхода: позволяя понять нам природу того или иного знака, этот подход

оказывается не в состоянии предложить сколько-нибудь работоспособную модель анализа тех, кто этим знакам, собственно, дал жизнь.

Ирина Басалаева в определенной степени восполняет этот пробел, реконструируя сложный процесс «нарративного самообоснования и автобиографии», предпринятый новыми горожанами (или недавними крестьянами). Семиотический анализ увязан здесь с попытками проанализировать специфику идентичностей «наивных» авторов: знак или риторический прием обретают социальную привязку и культурные якоря. Моральная компонента как основная движущая сила автобиографических нарративов «бывших крестьян», проанализированная в статье Басалаевой, находится в центре аналитического фокуса Екатерины Боярских: в обоих случаях наивные тексты призваны выразить «правду жизни», донести ее уроки. Статья Боярских строится на разборе специфического материала – непрофессиональной поэзии, присланной в редакции сибирских газет в период перестройки. Несмотря на это важное отличие, «наивные поэты» Боярских точно так же, как и бывшие крестьяне Басалаевой, опираются на риторические клише и нарративные штампы, говоря хорошо узнаваемыми «жанрами». У этой наивной поэзии, впрочем, есть своя специфическая черта. Как подчеркивает Боярских, производство поэтических нарративов оказывается своеобразной формой социальной маскировки и мимикрии: право (поэтического) голоса обеспечивается путем идентификации с позицией поэта-праведника. Иван Пешков в своей статье, посвященной роли памяти в академических дебатах в Польше, доводит тему исторической правды до логического предела. Сводя вместе пространственный и дискурсивный подходы к изучению памяти, Пешков показывает, как прошлое оказывается «пространством этического действия» в современной Польше.

В недавней статье, описывая «людей с одной коммунистической памятью», Светлана Алексиевич пронзительно назвала их «соседями по памяти» [1], хорошо показав, что память является не столько коллективной, сколько коммунальной. Статьи, вошедшие в данный номер журнала, позволили увидеть вблизи особенности меморативных практик отдельных «соседей по памяти». И я надеюсь, что эта подборка станет основой для дальнейшего диалога об особенностях репрезентации советского прошлого в частных источниках и устных нарративах.

1. *Алексиевич С.* Время second-hand: Конец красного человека [Электронный ресурс] // Дружба народов. – 2013. – № 8. – URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2013/8/2a.html>

2. *Sontag С.* Когда мы смотрим на боль других (фрагмент) [Электронный ресурс] // Индекс/Досье на цензуру. – 2005. – № 22. – URL: <http://www.index.org.ru/journal/22/zontag22.html>

3. *Sontag S.* Regarding the pain of others / S. Sontag. – N. Y. : Picador, 2003. – P.85–86.

4. *Winter J.* Setting the framework / J. Winter, Em Sivan // War and Remembrance in the Twentieth Century / ed. by J. Winter and E. Sivan. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – P. 9.

From Memory to Memories: Afterword to the Articles about the Study of Memory Using Private Historical Sources

S. A. Oushakine

Princeton University, the USA, Princeton

The author presents the analysis of some articles devoted to the transitional moment in the modern studies of memory. We can speak about the displacement of the research position away from the rhetoric of collective experience and collective forms of representation of historical experience. There is the problem of absence of the base for theoretical generalizations and patterns of interpretation, which are designed to demonstrate the ratio of private nature of memories with the social context in which they have become possible.

Key words: memory, historical experience, representation, social context.

Ушакин Сергей Александрович – кандидат политических наук, доктор философии (PhD), доцент кафедр антропологии и славистики Принстонского университета, 249 Ист Пайн, Принстон, Nj 08544, США, тел. 6092582385, факс: 6092582204, e-mail: oushakin@princeton.edu, <http://slavic.princeton.edu/people/faculty/SergueiOushakine>

Oushakine Serguei Aleksandrovich – Associate Professor of Anthropology and Slavic Languages and Literatures, Princeton University, 249 East Pyne, Princeton, Nj 08544, USA, e-mail: oushakin@princeton.edu, phone: 6092582385, Fax: 6092582204, <http://slavic.princeton.edu/people/faculty/SergueiOushakine>